Дань этому всеобщему поэтическому восторгу отдали и Есенин, и Пастернак, и А. Белый, и в первую очередь, конечно, поэты-рабочие из массовых организаций Пролеткульта.

Маяковский, безусловно, лидировал в этом общем стремлении прославить октябрьский катаклизм как начало новой эры в мировой истории. Поэма была для него самым оперативным и емким жанром лирического эпоса, способствующим лирической социализации искусства.

С начала 20 гг. Маяковский поэтизирует, как и многие другие, стихийную мощь народных масс в образе былинного богатыря Ивана, шагнувшего через океан, чтобы сразиться с чудищем мирового капитализма Вильсоном, В. Ленин ругает А.В. Луначарского, первого советского наркомпроса (министра культуры) за поддержку футуристического своеволия Маяковского, проявившегося не только в затрудненности формы, но и, конечно, за слишком наивное понимание политических пружин революции.

Маяковский, ничтоже сумняшеся, заявлял: «не Ленину стих умиленный. В бою славлю миллионы, вижу миллионы, миллионы пою». Маяковский задумывает политические поэмы «IV Интернационал» и «V Интернационал», явно уже нацеленные на восполнение или исправление политических промахов. Но только смерть главного инициатора и стратега Октября В. И. Ленина в январе 1924 года обращает его к проблеме вождя революции, которая сразу же в советской поэзии стала идеологической, культовой проблемой.

Художественное обожествление Ленина уже в 20 годах привело к полной идеологической сакрализации истории марксизма и большевизма, а с другой стороны, способствовало идеологической лакировке советской бесчеловечной действительности, когда и крестьянство, и рабочие были поставлены на грань элементарного выживания.

Продолжение в следующей главе…